

Фэн Цзюцин, подавляя гнев, заговорил мягким, вкрадчивым голосом:

— Триста тысяч лянов... Дорогой гость, вы и вправду щедры. Интересно, где же вы так разбогатели, что деньги даются вам так легко? Цинцин — всего лишь простой артист, разве я стою тридцати тысяч? Если у вас и вправду столько лишних денег, не лучше ли пустить их на теплую одежду для солдат на Северных рубежах?

В глазах Мо Лина мелькнуло любопытство. Он приподнял подбородок Фэн Цзюцина, вглядываясь в него глубоким, тяжелым взглядом.

— Не думал, что у Цинцин такое благородное сердце. Живя здесь, в Циньхуае, вы не забываете о воинах на Севере.

— В процветании и упадке государства каждый несет свою долю ответственности. Пусть я всего лишь артист, но чувство долга мне не чуждо. Если бы не самоотверженная защита наших солдат на границе, разве сияли бы огни в Циньхуае все эти десять ли? А вот вы, когда тратите деньги словно воду, задумывались ли хоть раз, как тяжело они достаются? Их нужно использовать с умом, чтобы не обесценить пот крестьян, работающих от зари до зари, нелегкий путь купцов и готовность солдат жертвовать жизнью в холод и зной!

Фэн Цзюцин встретил взгляд Мо Лина, ничуть не страшась исходящего от того мощного давления.

Мо Лин подхватил его на руки, отнес к столу и, навалившись сверху, прижал к столешнице, сковав движения рук.

— Я принял к сведению. Цинцин, вы так много знаете... Вы действительно лишь простой артист? — спросил Мо Лин, словно невзначай.

Сердце Фэн Цзюцина пропустило удар. Неужели Мо Лин заподозрил, кто он такой?

Только что, разозленный выходкой Мо Лина, он наговорил лишнего, и теперь нужно было во что бы то ни стало развеять его подозрения.

Глаза Фэн Цзюцина слегка покраснели, в них отразилась обида, а в голосе послышались слезливые нотки:

— Если бы я не был артистом, разве позволил бы дорогому гостю так прижать меня к столу и унижать?

Мо Лин усмехнулся:

— После ваших слов я почти решил, что передо мной один из сановников, читающий наставления своему государю. Каждое слово пронзило до глубины души.

Фэн Цзюцин попытался было вырваться, но Мо Лин без труда подавил его сопротивление.

Родинка у края глаза Фэн Цзюцина стала еще ярче, в глазах заблестели слезы:

— Я знаю, что мое положение ничтожно, разве могу я сравниться с господами из императорского двора? Если дорогой гость хочет наказать меня за эти слова, я приму наказание, но к чему же так...

Мо Лин придвинулся ближе:

— Я не это имел в виду. Просто Цинцин — мой человек, и не должен за моей спиной заводить шашни с другими. Скажите, как мне вас наказать?

Фэн Цзюцин немного успокоился и принял вид покорной жертвы:

— Я — главная звезда башни, мне положено принимать гостей. В этот раз я даже поставил ширму и установил три заслона. Если дорогой гость все же хочет меня наказать, мне нечего сказать в свое оправдание.

— Значит, вы признаете вину? — прошептал Мо Лин ему на ухо.

Этот человек явно не следовал привычным правилам. Разве сейчас не самое время начать его утешать и закрыть тему? Не успел он додумать эту мысль, как почувствовал, что его горло стиснули зубы. Фэн Цзюцин из последних сил подавил инстинктивное желание свернуть шею тому, кто его укусил.

— М-м, больно.

Мо Лин не стал кусать сильно и, услышав жалобу, отстранился, произнеся низким голосом:

— Раз больно — значит, урок усвоен. Запомните, Цинцин, в следующий раз все будет куда серьезнее.

Система, давно сбежавшая в угол комнаты, чтобы не попасть под раздачу, не могла сдержать смеха:

— Ха-ха-ха! Фэн Цзюцин, ну и ну! Это ты называешь себя искуснейшим охотником? Кажется, ты хочешь довести меня до смерти, чтобы потом унаследовать мои счета с баллами! Ха-ха-ха!

— Заткнись!

Система уловила гнев в голосе Фэн Цзюцина и поспешно исчезла из комнаты.

Фэн Цзюцин изогнул губы в усмешке, ловким движением вырвался из захвата и перевернулся, меняя их местами. Он провел рукой от уголка глаза Мо Лина до самой шеи, едва касаясь ее пальцами.

В руке Мо Лина внезапно оказался короткий кинжал, упершийся в бок Фэн Цзюцина.

Фэн Цзюцин рассмеялся, не обращая на это внимания, его голос звучал маняще:

— У дорогого гостя такое жестокое сердце. Не позволяете мне принимать гостей, не

позволяете стать вашей законной супругой... Неужели вы хотите уподобиться тем бессердечным изменникам, что лишь играют чужими чувствами?

Мо Лин равнодушно посмотрел на него, другой рукой поигрывая с его серьгой:

— Цинцин, вы решили больше не притворяться передо мной? Лучше прямо скажите, чего вы добиваетесь. Я не из тех, кого можно водить за нос.

Фэн Цзюцин разжал пальцы, отступил назад и опустился на стул, изображая невинность:

— Я всего лишь артист, где уж мне обманывать дорогого гостя. Чего я могу добиваться? Лишь молю о милости, чтобы выкупили меня из низкого сословия, чтобы я мог стать честным человеком. Дорогой гость, неужели и это моя вина?

Мо Лин убрал кинжал и с полуулыбкой произнес:

— Неужели только ради этого?

Фэн Цзюцин захлопал своими лисьими глазами:

— Дорогой гость знатного рода, вам ли знать, как таким, как я, хочется просто прожить эту жизнь чуть лучше.

Знатного? Да, он родился в знатной семье, но его путь был полон невзгод. Если бы не встреча с благородным наставником, кто знает, был бы он сейчас лучше, чем Мин Цин.

Этот Мин Цин — настоящий лисенок. Он словно знает, что сказать, чтобы вызвать жалость. В конце концов, раз он действительно не имел никаких тесных связей с тем человеком, почему бы его не пощадить?

Мо Лин подошел к Фэн Цзюцину, его высокая фигура внушала трепет:

— Вы действительно не хотите уйти со мной?

Фэн Цзюцин усмехнулся:

— Не хочу быть наложницей. Наложницы — товар, их продают и покупают. Приходится день и ночь угождать господину, терпеть правила, установленные законной женой. Сейчас я в Башне Ситай свободен и волен, зачем мне искать себе лишние неприятности? Мы оба в низком сословии, к чему мне это?

Мо Лин наклонился и провел пальцем по алым губам Фэн Цзюцина, тихо прошептал:

— Сегодня ваши слова звучат особенно неприятно. Но раз вы не хотите, я не стану принуждать. Я позволю вам принимать гостей через ширму, но смотрите, не вздумайте хитрить. Раз вы стали моим человеком, то принадлежите мне и в жизни, и в смерти. Я буду ждать, когда вы измените свое решение.

— Дорогой гость, вы так жестоки. Разве у меня есть выбор? — Фэн Цзюцин ухватился за его одежду, одарив его лучезарной улыбкой.

— Есть. Либо жить моим человеком, — Мо Лин усмехнулся, и в этой улыбке не было тепла, — либо умереть и стать моим призраком. Что выбираете?

Неужели Янь-эр так привык к императорской власти, что стал таким деспотичным? Они прожили бок о бок три года, и он никогда не видел Мо Лина таким холодным и властным.

Именно поэтому он понимал: Мо Лин не шутит. Если он откажется, тот действительно может его убить.

В конце концов, он сам вырастил этого неблагодарного ученика, вздохнул про себя Фэн Цзюцин. Не зря профессия наставника императора считается одной из самых опасных.

Обучение учеников сопряжено с рисками, нужно быть осторожнее — сколько людей заплатились за это кровью! Не стоило тогда, ради красивого титула, принимать должность Великого наставника.

— Раз дорогой гость так мне угрожает, какой у меня выбор? Придется покориться, — Фэн Цзюцин опустил глаза, изображая покорность.

Мо Лин довольно улыбнулся:

— Вот и славно. Это не угроза, а обещание.

Система, наблюдая за послушным Фэн Цзюцином из-за спины Мо Лина, покачала головой:

— Ц-ц, учитель и ученик, а играете в такие игры? Фэн Цзюцин, тебе нравится принуждение? Эх, ну ты и даешь, первый соблазнитель в Поднебесной.

<http://bllate.org/book/21502/2203453>